

Вине Меир

**Проданная. Возвращенная.
Истинная**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
М45

Меир В.

М45 Проданная. Возвращенная. Истинная / Вине Меир. – М.: Литнет, 2026. – 340 с.

ISBN 978-5-521-99653-7

Продали. Как вещь. Как последний кусок мяса с прилавка. И кто? Родные родители. Винить их? Да. Буду. Но понимаю: королевство в упадке, налоги растут, а кругом чума и голод. Люди страдают, работать некому. Настоящий кошмар. Но не для меня... Мой кошмар ждет меня впереди. И имя его – Велиар Моренвиль. Тот, кто меня убил. Высшие силы вернули меня в этот мир, ради шутки, ровно в тот момент, когда прозвучало «Ты едешь сегодня же...» Смогу ли я избежать смерти в этот раз?... а может... не стоит пытаться и просто жить в свое удовольствие? Этот вампир еще поймет, кто кого!

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99653-7

© Литнет, 2026
© Меир В., 2026

Глава 1

Последнее, что я помнила – его глаза. Не цвет, нет. Цвета в полумраке его кабинета не разглядеть. Я помнила холод в них. Безразличный, изучающий, как у человека, который вот-вот переломит хребет назойливой птичке.

И тишину после хруста собственной шеи.

А потом – ничто. Не тьму, не свет. Просто ничто. Ощущение вечного падения без тела и без страха.

И сразу после – всё. Звуки, запахи, тяжесть в груди.

Я вдохнула.

Знакомый запах.

Запах дома.

Моего дома.

Откуда мне путь в один конец заказан был десять лет назад.

Я стояла в тронном зале, уставившись в потрескавшуюся штукатурку стены. В ушах гудело, а в висках стучало одно-единственное, чудовищное слово, которое описывало все происходящее:

«Продали».

Густое и липкое, как дым от печи.

Оно исходило от склонённых плеч отца, который не смотрел на меня.

Оттирало краску с маминых пальцев, пока она теребила свой вылинявший плащ-накидку. В это время года было уже прохладно.

Они только что это озвучили мой приговор:

«Ты едешь сегодня же...»

Не может быть.

Просто не может.

Я вернулась к ним? В этот самый миг. После смерти, после «ничто» – меня швырнуло обратно в точку, где всё началось? Высшие силы? Если они есть, у них чёрное, просто угарное чувство юмора.

– Элис, – голос матери дрогнул. Она всё ещё не поднимала стыдливых глаз. – Пойми... Королевство... Налоги. Чума выкосила половину селения. Урожай сгнил. Мы не...

– Мы не справимся, – закончил за неё отец, голос, как и тогда, был тупым и лишенным жизни. – Граф Моренвиль... Он предлагает щедрое вознаграждение. За тебя. Ты будешь при его дворе. В безопасности, сытой.

Граф. Велиар. Моренвиль. Мой кошмар. Мой убийца.

Во рту стало горько от адреналина, которого ещё не должно было быть. От памяти, которой в этом моменте ещё не существовало.

Я медленно перевела взгляд с отца на мать. Лица были серыми от усталости и безысходности ситуации. Они видели перед собой дочь – испуганную, обиженную, возможно, готовую рыдать. Они не видели того, кто стоит перед ними сейчас. Ту, что уже знает, как хрустит камень под колёсами кареты, везущей тебя в его замок. Как пахнет в его библиотеке – старым пергаментом, дорогим вином, чем-то металлическим, сладковатым. Как немеют пальцы, когда его холодные пальцы сжимают твоё горло при любом непослушании.

Они продавали меня из лучших побуждений. А я знала, что продают на смерть. И что их я больше не увижу. Не пройдет и пары месяцев, едва ли я освоюсь, как придет весть о том, что чума забрала всех.

Винить их? Пф. Да.

В моей груди, старой и новой одновременно, вздымалась чёрная, ядовитая волна обиды. Самый страшный страх – не от чужака, а от рук тех, кто должен был защищать.

Я буду винить. До конца.

Но... Они были честны. Это не оправдание поступку, но факторы, которые существовали, отрицать было нельзя. Про чуму. Про голод. Из окна доносился не детский смех, а кашель. На улице пахло не хлебом, а дымом погребальных костров. Их кошмар был здесь. Реальный, голодный, вонючий. И короткий...

Мой – ждал впереди. Через десять долгих лет. И у него было имя.

– Сегодня же? – спросила я странно ровно. Не как у молодой, только ставшей возраста замужества, Элис, а как у той, что побыла в «ничто».

Мать вздрогнула, кивнула, на глазах выступили слёзы.

– Карета графа... – ее голос дрожал, но она старалась держаться, как подобает королеве, – она уже в пути. К вечеру будет здесь.

У меня было несколько часов. Всего несколько часов между этим «сейчас» и тем моментом, когда я снова увижу его. Холодные глаза. Белые, ухоженные руки.

В прошлый раз я ехала непокорно. В слезах. В страхе перед неизвестностью. Перед этим мы устроили последний совместный ужин, и провели время вместе, а после меня в истерике затолкали в повозку.

В этот раз я запретила себе делать то же самое, дышала тихо, сжимая пальцы в кулаки так, что ногти впивались в ладони.

– Буду у себя...

Вопрос повис в спёртом воздухе тронного зала, кричал эхом в голове, в такт стуку моего сердца:

«Смогу ли я избежать смерти в этот раз?»

В покои я вошла с гордо поднятой головой. Но едва дверь закрылась, ринулась к зеркалу. Я должна была убедиться.

– Магия... не иначе... – сорвалось с губ.

Все та же молодая девушка. Те же светлые, непослушные волосы, собранные в простую косу. Те же широкие серые глаза, которые отец называл «озёрными». Лицо, на котором ещё не было ни одной морщины, только едва заметные веснушки у переносицы. Хрупкие плечи под грубым домотканым платьем.

Я прикоснулась к своему отражению. Кожа была тёплой, живой. Под ней отдавалось бешеным стуком сердце – то самое, что оставилось в его кабинете. Я повернула голову, вглядываясь в шею. Ни синяков, ни следов. Ничего.

Но внутри... внутри всё было иначе. Там сидела не девчонка, которую пугает переезд в чужой дом. Там жила тень. Женщина, прожившая десять лет в золотой клетке, научившаяся читать по его молчанию и угадывать настроение по звуку шагов в коридоре. Женщина, которая знала, что за маской аристократической утончённости у Велиара скрывается что-то древнее, ненасытное и лишённое жалости. Он был тем, кто брал то, что хотел и никак иначе.

Я отшатнулась от зеркала. Видеть это юное лицо и чувствовать на себе груз прожитых лет – было пыткой. Память нахлынула болезненной волной.

Первая встреча. Он у крыльца своего замка, в чёрном сюртуке, серебряная булавка в виде совы на лацкане. Его взгляд, скользнувший по мне, оценивающий, как вещь.

– Примите её, обустройте в восточном крыле, – сказал он управляющему, даже не удостоив меня прямого обращения.

Годы унижений, притворной покорности. Я училась: кету, музыке, даже начаткам латыни – не потому, что он хотел меня образовать, чтобы у него была прилежная и умная возможная будущая супруга, а потому, что развлекался, наблюдая, как девушка, что должна была радоваться замужней жизни и не знать бед, пытается постичь неизвестные доселе искусства. И все зря.

К алтарю я так и не пошла.

Я видела, как исчезали другие. Служанки, гости, любовницы, и даже одна из его дальних родственников. Всех объявляли сбежавшими или умершими от болезни.

Я молчала. Потому что боялась. Потому что где-то в глубине ещё теплилась глупая надежда – если буду идеальной, он меня отпустит. Или полюбит. Даже тогда...

Я вздохнула, заставляя себя дышать ровно.

Нет-нет. Паника не помощник. Она убила меня в прошлый раз – в прямом смысле слова. И что же? Это повторится? Разве может?

Я знала его распорядок. Знакомые слабости в охране замка (старый водосток в южной стене, по которому иногда сбежали нахаль-

ные коты). Я знала дни, когда он уезжал в столицу. Знакомые тропы в лесу. И время, когда его лучше было не беспокоить. Знала, как его подозрительность граничила с паранойей. Как его слуги были больше чем слугами – глазами и ушами, верными до смерти. А его сила... она не была человеческой. В ту последнюю ночь я это поняла окончательно.

Бежать сейчас? Сорваться с места, пока карета не приехала, и бежать куда глаза глядят? Идея зажглась в голове ослепительной вспышкой. Но тут же погасла, задавленная грузом реальности.

Куда? Чума косила деревни. Дороги кишели разбойниками и дезертирами. У меня не было денег, еды, связей. Меня, молодую девушку в одиночку, либо ограбят и убьют в первую же ночь, либо схватят и вернут за вознаграждение, в лучшем случае. А если я сбегу, родителям не простят долга.

Смешно...

Мой отец, Эдгар Лорн, был королём. Он носил корону, пусть и потускневшую, на крошечном, забытом богом и людьми клочке земли под названием Айронвейл.

«Королевство» – это громко сказано. Скорее, обнесённая стеной долина с десятью деревнями, рудником, который давно не работал, и замком, больше похожим на укреплённую усадьбу.

Моя мать, Лира, была его королевой. Она когда-то пела на балах в столице, а теперь её песни заглушал кашель чахоточных подданных.

Наш долг был записан в толстой книге учёта у графа Моренвиля. И тянулся далеко до моего рождения. Золотые монеты, взятые в долг ещё моим дедом, чтобы отстроить стены после набега горных кланов. Проценты на проценты, которые копились десятилетиями. А потом – заём на лекарства во время первой волны чумы. На семена, которые не взошли. На уплату императорского (какая ирония) налога, который наша нищая провинция всё равно не могла потянуть.

Мы были марионеточными правителями, которых столица терпела за лояльность, но не поддерживала. А Велиар Моренвиль был

одним из тех, кто держал ниточки. Не самый богатый, не самый влиятельный при императорском дворе, но самый близкий. Его земли граничили с нашими. И он был самым... заинтересованным.

Он скупал наши долги у других кредиторов, консолидировал их. Делал это тихо, вежливо, с поклонами и заверениями в вечной дружбе. Отец, наивный и гордый, видел в этом жест благородства. Я же теперь понимала: он собирал контрольный пакет. Не акций, а нашей сломленной воли. Нашей земли.

Последний заём был взят полгода назад. Под залог. Под залог единственного, что у нас ещё оставалось ценного, кроме титула, который уже ничего не стоил.

Под залог меня.

В договоре, который отец подписал дрожащей рукой, не было таких слов, конечно. Там говорилось о «брачном контракте», о «союзе домов», «попечительстве» графа над юной леди Элис Лорн ввиду тяжёлого положения её семьи. Только вот держать он сказанное не пожелал. Это была юридическая мишура, прикрывающая простую и чудовищную сделку: они отдавали ему свою дочь и наследницу, а он списывал долги и обещал защиту Айронвейлу от голода и чумы.

Защиту. От чумы, которая их же и погубила. От чумы, которую, как я теперь подозревала, он же и изучал в своих подвалах.

Я подошла к узкому окну своей комнаты, вглядываясь в унылый двор нашего «замка».

Несколько кур копошились у полуразвалившегося колодца. Старый солдат, дядя Гаррет, чистил единственную ржавую кирасу. Королевство в упадке. Мой отец был хорошим человеком, но плохим королём. Он любил людей, а не управлять ими. Он раздавал последнее, вместо того чтобы копить, и в итоге оказался в долговой яме у хищника.

«М-да... знали бы они как все будет... передумали бы?»

Нет. Не передумали... хоть они и погибли, я то прожила гораздо дольше. Даже если бы рассказала... все равно отправили бы.

Глава 2

Меня ждало две недели пути. Сидя в повозке, прикрыв лицо магически заряженным платком, тонким, почти невесомым, с вышитой по краю серебряной нитью руной «очищения», чтобы не подхватить хворь, я ехала к «жениху». На деле – хозяину по праву договора.

Дорогая безделушка, брошенная мне в руки его сопровождающим перед отъездом, как милостыня нищей.

Для существа, владеющего магическими артефактами, мог бы и добыть камень перемещения. Но зачем тратить на ненастоящую невесту, правильно?

«Его светлость беспокоится о вашем здоровье».

Я почти рассмеялась. Он беспокоился о целостности товара. Чумная девка ему была не нужна. Ненароком заразить и его подданных.

Карета была не чёрной и роскошной, как я почему-то помнила, а прочной, без окон, больше похожей на тюремный фургон. Деревянные стенки, скамья, застеленная грубым сукном.

– Докатилась... – с выдохом сорвалось с губ.

Сопровождали двое: кучер, немой как пень, и стражник в простой, но новой кольчуге, с холодными глазами, которые видели во мне не принцессу, а ценный груз, который нужно было доставить в целости. Имя его было Гораций, и в прошлой жизни он отвесил мне подзатыльник за то, что я слишком медленно вышла из кареты. Припомнить бы ему это...

Первые дни я молчала, делая вид, что погружена в тоску и страх. Я смотрела в щель между досками, наблюдая, как знакомые убогие пейзажи Айронвейла сменяются чужими лесами и холмами. Дороги были пустынные. Иногда мы проезжали мимо сожжённых хуторов, мимо придорожных крестов, облепленных воронами. Воздух, даже через фильтр платка, пах смертью и пеплом.

Надо отвлечься. Вспомнить что-то...